

Катерина Файн
БЕЗ НИЧЕГО
1998-2001

* * *

Талантов твоих не перечесть –
в работе ночью и днём.
Пишешь стихи и готовишь есть
почти что одновременно.

Вне дома бываешь раз в году,
любишь своих гостей.
А если девица – имею в виду
буквально – тащишь в постель.

Скучаешь. Прости мне, душа моя,
ты сам выбираешь строй:
с кем покорять на плоту моря,
кого пускать на постой.

Я близорука, но не слепа,
молчунья, но не глухая.
Можешь делать любые па –
это не жизнь такая.

* * *

Я выйду из дома утром,
а лучше – вечером.
Подавиться районом,
а также его зодчим.
И буду, конечно, в черном,
а лучше – в клетчатом,
а ноги оставлю в тапках.
Приклею скотчем.

В издательстве (как всегда)
тянут с моей книжкой.
(Я все еще делаю вид,
что мне безразлично).
Но, честное слово,
однажды сниму пальтишко
и стану душить редактора,
сама, лично.

А многие люди живут
по-другому мучаясь,
и некоторые из них –
как ни странно – от чтения.
Но мне кажется,
жизнь имеет смысл лишь в том случае,
когда ты плывешь на спине
против течения.

* * *

Тверже замороженной воды,
ярче апельсинового сока.
Проще, чем назвать тебя на «ты»,
правильнее мудрости Востока.

Шире, чем Китайская стена,
и точнее меры километра.
Самого крепленого вина
крепче и пьянее. Мягче фетра.

Больше, чем пространство интернет,
легче книжной и музейной пыли.
Вечный, как шекспировский сонет –
тот, кого давно уже забыли.

Имярек

Он был хорошим, но не был отмечен
славой, деньгами и девами юными.
Пил алкоголь – отравлял себе печень,
пел. Посыпал мою голову рунами.
Он одевался в одежды неброские,
вечно спешил и имел ребенка.
Слушал по радио Вайля и Бродского.
Очень хотел завести котенка.
Был он постарше. Но не на много.
Жил не богато, но и не в бедности.
Часто казалось – не верил в Бога
то ли по глупости, то ли из вредности.
Сбитые сливки любил и подарки,
женщин всегда приглашал к обеду.
Письма писал без единой помарки,
знал астрологию и Кастанеду.
Он не был жадным, скорей – бережливым,
в жизни не выбросил лишней тряпки.
Мог показаться слегка ленивым,
но не домашним, как бра и тапки.
Был обаятельным, непритязательным,
свойство имел исчезать надолго.
Так вот однажды ушел к приятелю
и затерялся, как в стоге иголка.

* * *

Сознание того, что не встретимся
резвит, как водка.
Нужные люди вертятся
в круге твоём. Вот как.

А я появлюсь случайно –
исчезну быстро.
Роман наш кофейно-чайный
за гранью смысла.

Ну что ж, пожую, да выплону.
Цена – целковый.
Прочту до конца, как Библию
словарь толковый.

Не надо смотреть так вежливо,
я – негодяйка.
Хорошая. И по-прежнему
себе хозяйка.

* * *

Мы закроем на минуту глаза,
а потом откроем – будет рассвет.
А когда сойдет на землю роса,
я уйду, и вы помашете вслед.

На автобусе с трехзначным числом
я, нетрезвая, поеду домой.
Между городом и вашим селом
под сурдинку дождь танцует немой.

Солнце выткало из облака нить,
вот и радуга – дуга бога Ра.
Ах, как жаль, что этот сон не продлить,
остановка. Выходить мне пора.

Самое сложное

А вы про мебель написать могли бы,
(про мягкую, уверена, смогли б).
А я про ту, что, например, из липы,
какой-нибудь изысканный верлибр?

Про замкнутость трюмо и книжных полок,
уставших не от книг, а от идей.
Про то, что деревянный век не долгов,
как детство у взрослеющих детей.

Про ножки у стола и у серванта,
про полировку лаком (так занятно!).
Про то, что пролит суп из консерванта
на табурет. И остаются пятна.

Про то, что иногда на дверце шкафа
так вызывающе блестит смола...
Да ладно, вы ж не Гессе и не Кафка,
не надо, я бы тоже не смогла.

* * *

Сначала тебя провожают до дома,
потом до метро,
потом до автобусной остановки,
потом он даже не одевается.
А когда уже не имеет значения,
ты, вспоминая закон Ома,
вдруг понимаешь:
человек испытывает то,
что в физике называется
«ток на сопротивление».

Прогулки по Петербургу

Мне кажется, что было Рождество.
В театре без объявленной причины
спектакль отменили в этот вечер.
И мы пошли гулять. По набережной мимо
ахматовского флигеля, Публички,
библиотеки Маяковского, потом
зашли в Толстовский дом, и во втором дворе
стояли долго. Дальше в БДТ,
всего лишь посмотреть, что там дают.
Оттуда на Гороховую, в дом
Евметьева, с колоннами, зеленый,
где мало что осталось с тех времен,
когда безвестный архитектор строил
сие жилье, и кабы не ротонда
мы б вовсе не пошли. Но четверть часа
отдали восемнадцатому веку.
И вышли на Садовую потом.
Там посетили книжный магазин,
купили что-то, я сейчас не помню,
затем вошли в метро «Сенная площадь»,
и ехали, наверно, с полчаса
до станции «Московская», где Ленин
своею неизменною рукой
показывал проспект одноименный.
Потом зашли в кафе перекусить,
а после очень долго поднимались
без лифта на какой-то там этаж,
а через час спустились к остановке,
и я тогда поехала домой.
Вы тоже торопились на автобус.
Вас ждали объяснения с женой,
остывший суп, любительские сушки
и купленная книга у Сенной.

* * *

Хотите, для вас разломаю дом,
если он будет ничей?
Или, хотите, сверстаю том
ваших пустых речей?

Может, вам нравится суета?
Давайте откроем чат.
Хотите, для вас разбужу кота?
Коты иногда кричат.

Может, хотите вина и т.д.,
или желаете спать?
Может, поставить для вас «ДДТ»
и на столе сплясать?

Может, хотите отведать рагу,
налима или линя?
Вы извините, я дать не могу
больше, чем есть у меня.

Кот с ограниченной ответственностью

Этот кот не существо и не сущность.
Он собою представляет окружность,
только грязную. Хотя и не сетует.
Изловить его и вымыть как следует!
Посмотреть, какого цвета наружность.

Но циничная кошачья личность
однозначно и всегда лаконично
выражалась на предмет изловленья,
и какого бы то ни было тренья.
Потому нам очень даже привычно,
что ответственность кота ограничена.

* * *

Хозяйка читального зала,
журналов и книг королева,
почти все на свете знала,
хотела, могла, умела.
Она фолианты разные,
как будто чулок с ноги,
снимала легко и страстно
с полок. Ее руки
просил букинист печальный,
потом кандидат наук
прельстился ее плечами
и, в общем, заполнил круг
знакомых. И холодильник.
Но день с глубиной тарелки,
банальнейший как будильник,
заканчивался у грелки.
И редко под абажуром
трехкомнатного жилья
наука жила ажурным
предметом ее белья.
Все чаще великой Грецией –
Кавафис, Эхил, Гомер.
Мечтой умереть в Венеции,
как Дягилев, например.
Природу таких поворотов
она оценила вполне,
Египетские ворота
разглядывая в окне.
И все было ровной гладью,
как почерк библиотечный.
И медленно старилось платье
в ее недостойном отечестве.
Хозяйка бесценных изданий,
бумажной горы величество,
страдала избытком знаний
и недостатком личности.

* * *

*Счастливому обладателю
словаря буквы «ё»*

Общаться с вами – вот отрада
душе измученной моей.
Посредством ваших слов «не надо»,
я становлюсь еще умней.

За русский без местоименья,
за простоту коротких фраз
усердно боритесь. Терпенье
испытывая каждый раз.

Любитель скобок и кавычек,
мучитель кактусов и дев,
вы не меняете привычек,
не одеваете, раздев.

В моих руках судьба не ваша,
но пожелание мое
я вам скажу: простите, Саша,
любите больше букву «ё».

* * *

Как жаль теперь, что не веду дневник.
Не то, чтобы число – и год не вспомнишь.
А впрочем, так ли важно? Вот деталь:
последний раз одета мною шуба,
так, стало быть, почти уже весна.
И время приближается к полудню,
когда такси, разбрызгивая грязь,
въезжает наконец-то в город Муз,
и я перехожу шоссе, на «ты»
с порога и границы всех приличий
чуть позже, после чая и конфет.
Так просто, как принять ремантадин,
или прошлепать в кухню босиком,
чтобы стоять у самого окна
и рассуждать о судьбах – отчего
был не написан Чеховым роман
и «Гамлета» не ставил Мейерхольд?
Привычка – носом в теплое плечо
и мхатовскую паузу держать.
И если б не звонок – почти сказать.
Простившись наспех возле остановки,
глазами жадными к тебе не приставать.
«В Москву, в Москву!» – и на листе в полоску
хоть что-нибудь об этом написать.

* * *

Профессор престижного вуза
рассказывал нам про Италию:
Микеланджело – дело вкуса...
и так далее, и так далее.

Что венеты прекрасного пола
сплошь имеют тонкую талию.
Не дурна флорентийская школа...
и так далее, и так далее.

Сен-Микеле – чудесное место,
ни одной усложненной детали.
Поселиться здесь крайне лестно...
и так далее, и так далее.

Что на острове Сан-Ладзаро,
где монахи растят азалии
цвета ярче любого пожара...
и так далее, и так далее.

А искатели старой Венеции
посещают еще города,
о которых на следующей лекции.
И так далее. И тогда...

* * *

Ночь молока в мензурке.
Город зевал мостами.
Чудо оград в мазурке
и купола с крестами.

Рвалось июльство в окна.
Дождь по литаврам крыши
нотой «до». И локон
над фортепиано, рыжий.

Руки в перчатках плюша
лучших домов Гааги.
И до рассвета ужин
в тесных залах «Собаки».

Степ отбивали мысли
сбитыми каблуками.
Длинные фразы висли
в воздухе проводами.

Небо луной заплыло,
как от удара веко.
Таким, наверное, было
утро начала века.

* * *

Я видела, как двадцать пять
превращается в тридцать,
и твой день рожденья опять
выпадает на среду,
и лето к закату.
С букетами те же лица
в начале шестого в трамваях
к тебе приедут,
и мама для них приготовит
салат и пиццу.

* * *

Если сменить парикмахера,
стиль в одежде,
тон в разговоре,
если сменить издателя,
злую подругу,
пол в коридоре,
если сменить профессию,
имя, фамилию,
тему диплома,
если сменить провайдера,
коврик для мыши,
коврик для дома,
если сменить садовника,
кухню, пластинку,
зубную пасту,
если сменить чиновника,
рубль на доллар,
«Волгу» на «Мазду»,
если сменить художника,
шило на мыло,
хлеб на масло,
если сменить учителя,
гнев на милость —
то все прекрасно.

* * *

Ты поедешь-помчишься
за славой, туманом, деньгами,
самолетом, на поезде, в лодке,
машиной, ногами.
Очаровывать приступом слов
при ночном освещеньи,
чтобы в очередь дамы стояли
просить прощенья.
Чтобы в обморок падали девы
от рифмы глагольной,
чтобы с места – в карьер.
Помогая карьере сольной,
чтоб сходила с ума
даже самая первая леди.
Чтобы я прочитала об этом
в вечерней газете.

Коломбина

«Коломбина десятых годов».
Элиан Мок-Бикер

Рыжая гроздь рябины
на коньяке.
Граждане, я – Коломбина
в синем чулке.

Маска с огромным бантом
на каблуках.
Сейчас я прочту из Данте
сцену в стихах.

Маленький мой балаганчик
вам подарю.
Сударь, налейте стаканчик...
Я постою.

В платье весьма не длинном
для городов.
Слушайте, я – Коломбина
десятых годов.

* * *

Может, и нет ничего между строчек,
кроме привычного «ты» и «вы».
Я в этой повести – длинный прочерк
горизонталь твоего «увы».

Что не секрет, то уже не важно.
Время камней в огороде прошло.
Столько забыто, что вспомнить страшно
(впрочем, филистерство мне не шло).

Предполагаю, что я наказание,
капля воды в шерстяном рукаве.
Муза в капроновых крыльях желания,
волос седой на твоей голове.

Не замирает полет фантазии,
я, как всегда, из другого теста.
За неимением – разнообразие,
чтоб на пустое поставить место.

Крыши, проспекты, трамвайные давки.
Знаю про все рецидивы любви.
Эту историю в книжной лавке
мне продадут за простые рубли.

Мысли размазались манною кашицей.
Пусть эту гадость я тоже приму.
Прошлая жизнь, или мне это кажется?
Много-премного лет тому

все состоялось. В окне заресниченном
градусник нам рисовал февраль.
Не *deja vu*, только образ вторичный
и заграничная «Лореаль»

не потечет, как простая советская,
и не растает душа на примусе.
Ибо всему есть причина веская,
пусть бы и даже со знаком минуса.

* * *

Сказать «Не люблю Новый год» –
это будет неправда.
Иногда даже взрослым дарят подарки
за их проделки.
Салат «Оливье» забавляет,
как чтение Плавта,
но еще веселее под утро на кухне
помыть тарелки.
Я помню, когда-то нам очень хотелось
елку и праздник,
поселиться в провинции где-нибудь
возле залива.
Так и случилось. Но берег большой,
и мы оказались на разных
его сторонах, практикуя свою независимость
столь учтиво.
Прости, я не жду тебя в гости,
ибо мне это чуждо.
Я лучше возьму почитать
«Большую элегию Джону Донну».
Мне кажется, кто-то из нас сошел с ума,
хотя бы уже потому что
твой голос по радио слышится чаще,
чем по телефону.
Да и я хороша, ведь за всю эту зиму –
ни разу
ни звонка, ни печатного слова. Дела.
И не знаешь, за что хвататься
(в изучении, скажем, санскрита).
А теперь, отправляя message, я вижу
знакомую фразу:
«Приложение выполнило недопустимую операцию
и будет закрыто».

* * *

Не коньяк, но коньячный напиток,
хотя результат не хуже –
выпивали. Им был перегружен
круглый стол с новогодних открыток.

Болтовня, что на самом деле
все ж является частью словесности –
декаданс – хороша по трезвости,
как отгул посреди недели.

Но общаясь возвышенным стилем,
каждый раз обивала пороги
этой местности – *genius loci*, –
изучая стаканы, или

собутельника, так вернее.
И прекрасно читала письма
по утрам после чая «Лисма» –
подивился бы сам Вермеер

и услужливый почтальон.
Хорошо, что, по крайней мере,
существуют входные двери
для того, чтобы выйти вон.

Эти встречи – такая ссуда
под залог непростой привычки –
уезжать на дневной электричке,
дребезжа, как пустая посуда.